

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Только для участников Ассамблеи
Не для цитирования и распространения*

Будущее Азии и политика России¹

Краткие тезисы и вопросы для обсуждения на XIV Ассамблее СВОП

1. Перспективы “развитой” Азии и политика России

1.1. Все более очевидно, что Азия распадается на две части — быстроразвивающуюся (далее — Азия-1) и деградирующую (Азия-2). К первой категории относятся страны, расположенные к Востоку от Афганистана и Пакистана. За редким исключением они демонстрируют (хотя и неравномерно) высокие темпы роста.

1.2. Велика вероятность того, что именно в этот бурно развивающийся регион смещается центр мировой экономики XXI века. Данный процесс представляется еще более очевидным, если принять во внимание, что естественной частью Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) является и западное побережье Америки.

Вопросы: Насколько возможна интеграция России в новые рынки? Насколько она желательна? В чем ее выгоды и/или опасности? Возможно ли отгородиться или дистанцироваться от процессов, разворачивающихся в регионе? Какова роль энергетической составляющей в расширении торгово-экономических отношений с АТР?

¹ В ходе подготовки к Ассамблее рабочая группа СВОП и журнала «Россия в глобальной политике» провела с ведущими экспертами два ситуационных анализа по темам: «Россия и “расширенный Ближний Восток”» и «Перспективы “развитой” Азии и политика России». Отчеты по ситуационным анализам прилагаются в качестве «бэкграундов» для обсуждения. Приветствуются комментарии к отчетам, которые предполагается опубликовать в качестве самостоятельных материалов. Основное же время дискуссии на Ассамблее предполагается посвятить обсуждению данных кратких тезисов и выработке ответов на содержащиеся в них вопросы. По результатам дискуссии на Ассамблее предполагается подготовить отдельный доклад.

Данные тезисы и вопросы подготовлены С.А.Карагановым при участии Ф.А.Лукьянова.

1.3. В регионе начинается пока не слишком активное, но очевидное продвижение к созданию одного или нескольких интеграционных центров, возможно с перспективой создания единой валюты.

1.4. Среди наций, задающих тон в Азии-1, нарастают уверенность в себе, стремление проводить самостоятельный курс, не оглядываясь на традиционный Запад. Заметен и рост национализма, пока, правда, он в основном направлен против традиционных соперников в самом регионе.

1.5. Несмотря на быстрый и неравномерный рост отдельных государств вероятность возникновения конфликтов, тем более вооруженных невелика. Ситуация, скорее всего, изменится, если начнется цепная реакция ядерного вооружения как ответ на окончательный крах системы ядерного нераспространения.

1.6. Большинство ведущих стран региона, прежде всего Китай, предпочитают (во всяком случае — пока) мирную экспансию. Нет особых оснований ожидать, что эта тенденция изменится в ближайшие 10–15 лет.

Вопросы: Так ли это? Или потенциал конфликтов недооценен? Есть ли прямые угрозы безопасности России, исходящие из этого региона?

1.7. Хотя в последние годы азиатская политика Москвы активизировалась, политическое представительство России в регионе явно недостаточно.

1.8. Налицо быстрый рост торговли с Азией-1. Прогнозируется, что в течение 12-15 лет он достигнет объема от четверти до трети товарооборота (в зависимости от активности российских компаний и государственных органов). Но при этом нужно менять структуру экспорта и импорта. Остро необходимым является наращивание энергопоставок в АТР, что в целом усилит международные позиции российского ТЭКа.

1.9. Настораживающей тенденцией является продолжающаяся депопуляция, да и декапитализация Восточной Сибири и Дальнего Востока. Недостаточно эффективное управление регионом ограничивает его инвестиционную привлекательность.

1.10. Несмотря на огромное количество по большей части преувеличенных данных о притоке китайцев и других представителей азиатских стран, массовой экспансии на территорию азиатской части России нет. И даже если она начнется, основных связанных с этим опасностей удастся избежать, если, во-первых, местная власть будет усилена и декоррупцирована; во-вторых, государство сможет обеспечить встречный поток переселенцев с русскими культурными корнями; в-третьих, начнет осуществ-

ляться проект многостороннего инвестиционного освоения региона с участием как азиатских стран, так и США, Канады («проект Сибирь»).

Вопросы: Возможен и желателен ли такой проект? Возможен ли государственный контроль над заселением региона выходцами из Китая, других азиатских стран, а также регулирование этого процесса? Как обеспечить встречный поток переселенцев — выходцев из русской культуры? Какие инвестиционные проекты должно осуществлять и поощрять государство в этом регионе?

1.11. Борьба за влияние в АТР, очевидно, станет в XXI веке одной из главных составляющих глобальной политики, так же, как «борьба за Европу» стояла в центре мировой политики XX столетия. Стержнем политики США будет сдерживание Китая, недопущение превращения его в мировую сверхдержаву. Возможные инструменты: манипулирование корейским и тайваньским вопросами, политика осложнения отношений Китая с соседями, в том числе Россией, создание помех на пути роста экономического и политического влияния КНР (путем ограничения свободного доступа к энергоносителям, военным технологиям). В России тоже есть опасения по поводу будущей политики КНР — весьма мощного, хотя сейчас и вполне дружественного соседа.

Вопросы: Стоит ли России пытаться играть в ограничение мощи Китая или нужна другая стратегия? Как создать прочные и дружественные отношения со всеми основными державами АТР? К чему может привести реализация назревшей, а возможно и уже перезревшей идеи о строительстве нефте- и газопроводов в Китай и на Дальний Восток — к созданию отношений взаимозависимости? к односторонней зависимости России от потребителей? к росту зависимости партнеров? Насколько активно мы можем и должны развивать военно-техническое сотрудничество со странами АТР? Есть ли здесь грань, которую невыгодно переступать?

1.12. Азиатские державы, прежде всего Китай, являются активными участниками событий в Центральной Азии. Россия содействовала формализации этого участия через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Параллельно разворачивается все более активное военно-политическое взаимодействие России и стран Центральной Азии с Китаем и Индией.

Вопросы: Должен ли ШОС развиваться в направлении полноценной военно-политической организации? Или подобные вопросы стоит оставить только за ОДКБ? Насколько Россия заинтересована в вытеснении США из Центральной Азии? Может быть, напротив, стоит пригласить Соединенные Штаты в ШОС по крайней мере в качестве наблюдателя? Насколько возможно и желательно подключение Индии и Китая к регулированию ситуации на «расширенном Ближнем Востоке»?

1.13. Важнейшая проблема, стоящая перед Россией, формулируется следующим образом: как совместить неизбежное и необходимое усиление азиатского вектора внешней политики и экономики с продолжением культурной и социально-политической ориентации на европейскую модель развития. Без нее невозможна модернизация страны. При отказе от европейской ориентации возникнет угроза дальнейшего подрыва национально-культурной (преимущественно европейской) самоидентификации. При этом курс на сближение с Европейским союзом в силу ряда причин буксует, более того сама идеология «европейского выбора» подвергается испытаниям. Вероятное вступление Украины в НАТО создаст дополнительные крайне неприятные проблемы на этом направлении.

Вопросы: Можно ли сближаться с Азией, сохраняя при этом курс на сближение с Европой? Как не допустить дальнейшего роста отчужденности в отношениях с Европейским союзом? Можно ли вовлечь Европу в общий российско-азиатский проект? Имеет ли перспективы идея о создании общей Евро-Азиатской (не путать с евразийской!) коалиции по стабилизации и модернизации, развитию «расширенного Ближнего Востока»? Заинтересована ли Россия в удержании контроля над транссибирскими грузовыми и пассажирскими потоками и над трубопроводами, идущими из Азии в Европу? Или стоит «либерализовать» контроль над ними, как этого требуют в Брюсселе и к чему призывают в Вашингтоне? Что надо изменить в нашей системе образования, в самой философии развития, чтобы обеспечить преемственность европейской традиции и большую готовность выгодно взаимодействовать с поднимающейся Азией?

2. *Россия и «расширенный Ближний Восток» (РБВ)*²

2.1. В силу целого ряда исторических и культурно-религиозных причин, демографического взрыва, неспособности вписаться в глобализирующийся мир, большая часть региона РБВ, являющегося наследником великих, некогда передовых арабской и персидской цивилизаций, находится в состоянии экономической деградации. Почти повсеместно уменьшается размер ВВП на душу населения. Кое-где этот процесс приостановлен, однако не повернут вспять даже в условиях резкого роста цен на нефть.

2.1.1. В числе причин подобной ситуации:

- неэффективные политические системы и коррумпированные режимы;
- отсталые и неприспособленные к требованиям современного мира системы образования;
- изоляция большинства женщин от общественного производства;
- религиозные требования, ограничивающие трудовую активность, инициативность и т. п.

2.2. На РБВ почти повсеместно слабеют авторитарные светские режимы, зато усиливаются радикальные исламисты. Налицо тенденция к ухудшению управляемости, в том числе и в ключевых государствах.

2.3. Депрессивные настроения, связанные с осознанием исторического отставания, с падением уровня жизни населения и качества управления усугубляются в последние два десятилетия нарастающей информационной прозрачностью. Средства информации доносят до широких массы населения образы недоступного для них процветающего мира. Нарастающие чувства разочарования, безысходности, ложного ощущения неполноценности, несправедливости частично канализируются правящими кругами против Запада, частично толкают людей к радикальному исламу и национализму.

2.4. Антизападные, антиамериканские и антиизраильские настроения подогреваются воспоминаниями о колониальном прошлом (хотя этот период, как правило, содействовал модернизации), нынешней политикой Запада и особенно Вашингтона в отношении арабо-израильского конфликта и, в первую очередь, войной США в Ираке.

2.5. В результате не слишком успешного мирного соревнования с другими цивилизациями в регионе складывается нечто похожее на «веймарский синдром». Он похож на еще не до конца преодоленный постсоветский синдром: проиграв мирную «холодную войну», россияне более склонны винить в этом внешний мир, а не себя. Но Россия, несмотря на все издержки и

² К «расширенному Ближнему Востоку» авторы тезисов относят регион, простирающийся от Афганистана и Пакистана на Запад до стран Магриба и Северной Африки. К нему по ряду характеристик относятся страны бывшей Советской Центральной Азии и часть Закавказья.

временные откаты назад в целом нашла в себе силы вырваться из пут неэффективного общественно-политического и экономического строя.

2.6. Большинство государств региона относятся к категории «падающих» или уже несостоявшихся. При этом доминирование ислама, как показывают примеры Индонезии, Малайзии, Турции, в какой-то мере Ирана, не обязательно обрекает на стагнацию и деградацию.

2.7. Негативные процессы в социально-экономической сфере увеличивают внутреннюю нестабильность государств региона, угрозу межстрановых конфликтов. Налицо вакуум безопасности. Почти все страны Персидского залива и Ближнего Востока испытывают острое чувство внешней опасности и недоверия друг к другу. (Сходные процессы происходят в большинстве стран Африки. Но они не так важны для основных держав. Африка «замкнута» географически, нестабильность в ней не угрожает основным центрам мировой экономики и политики. Не случайно международное сообщество предпочло «не заметить» серию кровавых войн, происшедших там в конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. и унесших миллионы жизней.)

2.8. Чувство унижения и поражения бросает часть людей к радикальному исламу, влияние которого растет, часть движется дальше — к терроризму. Ряд групп политиков РБВ пытаются использовать терроризм, во-первых, для направления недовольства масс вовне, во-вторых, ставят целью дестабилизацию «побеждающей цивилизации».

2.9. Совокупность всех этих настроений и тенденций становится качественно более опасной по мере уже начавшегося процесса распространения ядерного оружия (Израиль, Пакистан). Последний является одним из самых нестабильных государств на РБВ и его дестабилизация, приход к власти радикальных исламистов может привести как собственно к войне, так и к попаданию бомбы в руки террористических группировок.

2.10. Ситуация еще более усугубится, если атомное оружие получит Иран с его вновь занявшим радикальные позиции руководством. Резко возрастет угроза дальнейшего распространения ОМП и локальных войн. Россия находится в пределах досягаемости уже нынешнего поколения иранских носителей потенциального ядерного оружия.

2.11. Вышеперечисленная совокупность внешних и внутренних факторов делает РБВ другим важнейшим центром мировой политики первой половины XXI века. В нем будут зарождаться основные, наиболее опасные конфликты, за позиции в нем уже развернулась острая борьба, из него исходит основная угроза начала «войны цивилизаций».

Вопросы: Справедливы ли данные оценки? Есть ли возможность избежать в регионе гонку ядерных вооружений (оставить Иран)? Правомочна ли постановка вопроса об угрозе «войны цивилизаций»? Какие формы она может принять?

2.12. Россия находится на двух разломах: между миром бедных и миром богатых и между христианским Западом и преимущественно мусульманским Ближним Востоком. У России уже есть опыт участия в «войне цивилизаций» (в Чечне) и даже победы, хотя и чудовищной ценой. Исламистским силам внутри и вне была доказана воля России жестко сопротивляться их экспансии, увеличению влияния.

Вопросы: Правомерна ли такая постановка вопроса? Сможет ли Россия в принципе играть роль посредника между цивилизациями, учитывая преимущественно христианский европейский состав населения? Не окажется ли Россия, пытаясь играть роль посредника, между молотом и наковальней? Может ли Россия самоустраниться, или это невозможно, учитывая проблему иранского ядерного досье, нестабильность в Центральной Азии? Нужно ли России вовлекаться в урегулирование израильско-палестинского конфликта, пока явно безнадежного? Что дает приглашение руководителей де-факто террористической организации ХАМАС?

В целом плодотворна ли политика умиротворения радикальных сил, которые, проигрывая социально-экономически, пытаются перейти в политико-идеологическое контрнаступление, используя терроризм и пытаясь получить доступ к оружию массового поражения? Есть ли альтернатива такому умиротворению?

2.13. Особая проблема — бывшая советская Центральная Азия и Закавказье. Многие страны там быстро деградируют. Особую опасность представляет Узбекистан, способный в случае развала взорвать весь регион. До сих пор, по мнению экспертов, Россия не имела сформулированной политики в регионе, зачастую ее просто не было.

Вопросы: Может ли Россия самоустраниться? Способна ли Россия взять на себя единоличную роль гаранта стабильности и развития в регионе? Если нет, с кем ей нужно стремиться делить ответственность? С Китаем? С Китаем и Ираном? С Китаем и США?

Какими инструментами обладает Россия для проведения эффективной политики? Военно-политические (ОДКБ)? Экономические (сколько будет стоить)? Политические (какие)? Международно-политические (союзы с внешними державами)? Или речь должна идти о тактических мерах по поддержанию стабильности и накоплению инструментов? (Через поддержку инвестиций российских компаний? Через массовое обучение элит? Через привлечение части из них на свою

сторону? Через поддержку массового проникновения и закрепления в регионе российских СМИ? Через привлечение трудовых ресурсов из региона? Что еще?)

2.14. Одной из причин нарастания напряженности между государствами и обществами РБВ и внешним миром является отсутствие многократно провозглашенного «диалога цивилизаций». Он в лучшем случае нерегулярен и поверхностен.

Вопросы: что может сделать Россия в этой области? Какие у нас есть ресурсы?

2.15. До сих пор в деле регулирования ситуации на РБВ активного участия не принимали две новые великие державы — Китай и Индия.

Вопрос: Можно ли их привлечь? Будут ли США, долго пытавшиеся сохранить за собой роль единоличного лидера, проиграв игру, пытаться продолжать удерживать функцию основного жандарма и модернизатора региона. Возможно ли более активное вовлечение Европы? Возможно ли создание «большой коалиции» по укреплению в регионе мира, предотвращения распространения ядерного оружия, по заполнению «вакуума безопасности»? Как вести себя в отношении ядерных амбиций Ирана?

2.16. Израильско-палестинский конфликт не решен и имеет тенденцию к обострению, в частности, после прихода к власти ХАМАС.

Вопросы: Что делать России? Пытаться играть некую роль (в ситуации, где выигрыш заведомо невозможен)? Самоустраняться и дальше? Ставить вопрос о навязывании мира через введение «голубых касок», фактическое возвращение мандата ООН над зоной конфликта? Реалистично ли это? Есть ли иные выходы?

И еще раз главный вопрос:

С Востока идут экономические возможности, с Юга — вызовы безопасности, причем ни эти возможности, ни эти опасности, не будут содействовать модернизации российского общества, политической культуры.

Как сочетать необходимый и неизбежный поворот к Азии как к важнейшему региону XXI века с сохранением преимущественно европейской ориентации России (без сохранения такой ориентации модернизация вряд ли возможна)?